

ПРИЗНАКОВАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ОБЩИЙ ОБЗОР

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена анализу семантической типологии признаковой лексики в текстах Марины Цветаевой. Материалом для описания корпуса эпитетов стал «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой». В исследовании устанавливается, что атрибутивная лексика чрезвычайно востребована в поэтическом идиолекте рассматриваемого художника слова и раскрывает многие особенности восприятия и интерпретации действительности. В ходе описания тематических групп признаковой лексики были установлены продуктивные модели конструирования образных эпитетов. Установлено, что метонимическая логика образования признаковой лексики является ведущей в антропоморфной авторской картине мира. Доказано, что эпитет представляет собой не только образное средство языка, но и способ познания и оценки мира автором. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения идиолектной системы Марины Цветаевой с опорой на анализ и описание других значимых участков языковой составляющей ее идиостиля: от именной лексики в широком смысле до особенностей синтаксиса и ритмики. Данные пласты языка, безусловно, взаимосвязаны и отражают неразрывное единство формы и содержания идиолекта.

Ключевые слова: *эпитет, семантика, идиостиль, признаковая лексика, поэтика, Марина Цветаева.*

Анализ и описание образной языковой системы того или иного художника слова, его идиостиля и идиолекта представляет собой сложную филологическую проблему. Сложность связана, с одной стороны, с большим объемом языкового материала, неизбежно присутствующим в таком исследовании, с другой стороны, со сложностью описания конкретного типа тропа, неоднозначностью трактовок. Тем не менее, общий обзор идиолектной системы дает возможность многопланово увидеть те или иные авторские предпочтения в выборе языкового оформления своего понимания реальности. Формальное описание тропов невозможно проводить в отрыве от семантики образных средств, что приводит к необходимости использовать достижения когнитивной поэтики, лингвокультурологии и других смежных наук.

Изучение такого пласта лексики, как атрибутивные (признаковые) конструкции, может проводиться в нескольких направлениях. Это могут быть исследования морфологической реализации потенциала прилагательных, описание семантических и тематических групп адъективов, их частности и продуктивности в идиолекте, выявление репрезентации идиостиловых концептов средствами признаковой лексики и многое другое. Тем не менее, не менее востребованным выступает анализ атрибутивов через обращение к такому понятию, как эпитет, поскольку именно последний функционирует в художественном тексте, имея формальную выраженность именно адъективами. Сложность в определении эпитета, его природы и разновидностей приводят ученых к множественным трактовкам данного тропа [Арнольд 1981, Хазагеров 1999]. Отказ от понятия эпитета и замена его близкими синонимичными понятиями или предельно широкое определение эпитета как принципиально любого признакового слова делают размытыми многие исследования лингвистов, ставящих задачу описать данный вид тропа [Булахова, Сковородников 2017, Киров 2019].

В предлагаемом исследовании делается попытка дать общий обзор системы не просто эпитетов, а типов признаковой лексики в текстах Марины Цветаевой. Эпитет все же сужает объем материала, вызывая вопрос о сущности данного тропа, его типах и рамках функционирования. Признаковая лексика же – понятие широкое, включающее в себя как образные определения (эпитеты в узком смысле), так и оценочные прилагательные, иногда и не оценочные, «рациональные» адъективы, описывающие окружающую обстановку, реальность в целом. Помимо этого, необходимо помнить о том, что принципиально любое слово, попадая в контекст художественного дискурса, становится «квазиэпитетом», поэтому статус эпитета может приобрести любое слово атрибутивной семантики.

Признаковые слова являются универсальными во многих смыслах. Так, они выполняют функцию характеристики объектов действительности, поэтому их потенциал практически безграничен. Кроме того, они способны выполнять предикативную функцию, утверждая наличие бытия того или иного качества или свойства, определяющего сущность явления. Временные, пространственные, размерные, оценочные прилагательные, интенсификаторы, посессивы и другие группы адъективов исчерпывающе описывают практически все стороны действительности: объекты как материального мира, так и «части тела внутреннего человека», эмоции, оценки. Комплексного описания признаковой лексики пока проводилось недостаточно; на материале идиостиля конкретного автора такое описание представляется наиболее наглядным [Губанов 2016].

Материалом для настоящего исследования было выбрано творчество М. Цветаевой, тексты которой насыщены атрибутивными конструкциями различной семантики. Активная актуализация понятий средствами признаковой лексики дает о себе знать на различных уровнях от формального (окказиональные формы слов) до семантического (формирование новых ассоциативно-смысловых связей, тематических групп, например, гомеровские определения, разговорно-фольклорные притяжательные адъективы и многое другое).

Удобным и надежным источником для проведения исследования является «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», в котором собраны все словоупотребления автора в поэтическом (подчеркнем, не эпистолярном и прозаическом) творчестве. Кроме того, в начале томов представлены обширные статьи цветоведа О.Г. Ревзиной, относящиеся к особенностям словотворчества М. Цветаевой: окказиональное творчество, механизмы образной составляющей эпитетов (метонимия и метафора), предметная и адъективная лексика и т.д. [Ревзина 1996, Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996]. Данные очень ценные наблюдения коррелируют с классическими работами по цветоведению, описывающими доминантные черты идиолекта поэта [Зубова 1989, Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке 2017].

При описании определений, характеризующих размерность, вес, время, протяженность и другие физические характеристики, остро встает вопрос об их образности и эпитетном статусе. При ответе на данный вопрос следует иметь в виду поэтический контекст, частотность использования слова, а также соотнесенность с тем или иным концептом. Таким образом, в статье будет решаться проблема отнесенности определений, относящихся к характеристике предметного, физического мира, к образным эпитетам, их роли в организации авторской картины мира и концептосферы.

Предметом анализа настоящей статьи выступает признаковая лексика в текстах М. Цветаевой. Целью исследования является выявление различных тематических групп признаковой лексики и их образного потенциала в рамках рассматриваемого идиолекта.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различного типа: стихотворения и поэмы.

В ходе исследования было зафиксировано более 3000 единиц признаковой лексики в текстах Марины Цветаевой на основе данных «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой».

Принимая во внимание тот факт, что в рамках одной статьи невозможно дать полный анализ абсолютно всем семантическим группам признаковой

лексики, зафиксированным в текстах Марины Цветаевой, обозначим наиболее значимые из них в контексте обрисовки самых ярких черт идиостиля поэта. К таковым, как неоднократно отмечалось, относятся предельная эмоциональность, «безмерность» в выражении оценок и чувств, инициирующие употребление интенсификаторов и слов-актуализаторов качества. Исходя из этого, построим свое дальнейшее описание на анализе основных, значимых для идиостиля константных смыслах. Одной из важнейших черт идиолекта М. Цветаевой выступает антропоцентричность как миропонимания, так и языка, отражающего его. Активность антропоморфных кодов и образов связаны с индивидуалистической картиной мира поэта, где многое, если не все, связано с личным переживанием каждого жизненного мгновения.

Данные выводы не противоречат утверждению О.Г. Ревзиной о необходимости рассматривать всю лексику в составе идиостиля как образную, так и неочевидно стилистически маркированную. Так называемые устойчивые словосочетания, общепозитические словоупотребления составляют значительную часть общего лексикона, игнорировать которые нельзя [Ревзина 1996]. В нашем описании они присутствуют в рамках размерных, параметрических и некоторых других семантических разновидностей признаков слов.

Перейдем к характеристике основных значимых семантических групп признаков лексики.

1. Самой многочисленной группой признаков слов является группа антропоморфных слов. К ним относятся слова, атрибутирующие как внешность человека, так и, главным образом, внутренние качества личности, ее характер, отношение к ней лирической героини. Количественно они представлены 550 единицами [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1996–2004].

Безусловно, «эпитеты психологической семантики» составляют большую часть данного корпуса определений. Лидируют такие эпитеты, как *вероломный, властный, лукавый, равнодушный, шалый* (по 10 словоупотреблений). Как видно из перечня эпитетов, в их семантике преобладает во многом отрицательная коннотация, как правило, это касается оценки Другого (возлюбленного, друга). Также употребительны прилагательные *неверный, недостойный, наглый, сердитый, несчастный, скупой*. Что касается сложных или окказиональных эпитетов, то можно отметить такие, как *жестокосердый, недремный, равномоцный*.

Необходимо отметить важную особенность употребления данного типа признаков лексики поэтом. Многие эпитетные выражения, описывающие

психологическое состояние человека, конструируются по метонимической логике: *печальные глаза, брезгливая грусть уст, невыспавшийся сон*. Подобная логика осмысления внутреннего мира человека и его восприятия лирической героиней продиктована механизмом тотального авторского присутствия в тексте, попыткой соизмерить свое представление о другом человеке с его сущностью, причем такая попытка неизменно заканчивается авторским, личным восприятием, всегда пристрастным и очень индивидуальным. Многими цветаеводами отмечается данная особенность ее идиолекта: беря за основу метонимию, перенос с целого на часть (в «части», то есть органе тела, находит свою «локализацию» и внешнее проявление то или иное чувство или эмоция), М. Цветаева развивает образ до того состояния, что читатель воспринимает его как метафорический, символический. С одной стороны, присутствуют и общепозитивские метонимические переносы (то же выражение *грустный рот* или *радостная улыбка*), но зачастую наблюдаем продолжение этой логики переноса, детализацию метонимии. Так, в словосочетании *дерзая кровь* явно наблюдается образная составляющая, которая может иметь семантику «кровь дерзкого человека», «свободолюбие» и т.д. Если же объектом метонимической экспансии становятся другие объекты, абстракции, соотносимые с концептополем человека, то метафорический образный эффект заметен намного сильнее. В упоминавшемся словосочетании *невыспавшийся сон* моделируется новый образ путем наделения способностью спать само состояние сна.

Таким образом, эпитеты, относящиеся к эмоционально-психологической характеристике человека, занимают одно из лидирующих мест в системе признаковой лексики М. Цветаевой. Описание внешности человека, его поведения, одежды и привычек не настолько частотно, поэтому отметим наличие сложных эпитетов, окказионально описывающих человека. Это, как правило, определения, упоминаемые в одном стихотворении и построенные по типу градации с присоединением к корню созвучных корней или их частей. Например, такие части слов, как *круто-* (*крутолобый, крутобровый, крутоногий, круторогий* и др.), *каменно-* (*каменнолобый, каменногрудый* и др.), *злато-* (*златозарный, златогривый* и др.) и другие. Подобного рода эпитеты получили название гомеровских за счет схожести формы, двукорневого строения и стилистической функции, заключающейся в создании высокого торжественного стиля.

2. Другая группа признаковой лексики названа нами эпитетами физической характеристики (эмпирические) (485 единиц). К ним относятся

прилагательные, обозначающие различные типы восприятия человеком объектов действительности, материал, из которого изготовлен тот или иной объект. Поскольку данные адъективы далеко не всегда образны, но все же достаточно многочисленны, обратим внимание на ту их часть, которая имеет коннотативные оттенки значений.

Зачастую такие прилагательные, как *горький, соленый, горячий, холодный, железный, сладкий* и другие описывают чувства, эмоции, а потому употребляются не в прямом значении (*горькое чувство, сладкая обида, железное время*). Безусловно, среди температурных и эмпирических атрибутивов встречаются такие, которые употребляются автором чаще других, например: *колокольный* (чаще звон, 13 словоупотреблений), *звездный* (21 словоупотребление), *чердачный* (6 словоупотреблений; образует смысловое поле своего, личного пространства, детства, воспоминания, чердака). Оказиональные эпитеты присутствуют в данной рубрике в меньшем количестве, что обусловлено их традиционностью и изначальной безобразностью. Можно отметить такие, как *ведерный, вишенный, лепестковый, сафьянный, циферблатный, штанный*.

3. Колоремные признаковые слова (цветовые эпитеты) (388 единиц). Представлены разнообразными наименованиями цвета, его оттенками, иногда окказионально охарактеризованными. Лидируют традиционные цвета *белый* (140), *черный* (107), *золотой* (95), *синий* (92), *красный* (76), *зеленый* (64) (исключение составляет *золотой* как символ солнца и света). Отметим частотность колорем *малиновый, рдяный и ржавый, седой, серебряный*. Многие тенденции употребления колоремных эпитетов и излюбленные цвета М. Цветаевой были отмечены Л.В. Зубовой, поэтому не будем повторяться [Зубова 1989].

Составные прилагательные, обозначающие оттенки цвета, также представлены в цветаевском идиолекте, хотя и не настолько массово: *прозрачно-белый, сине-серый, темно-синий, туманно-розовый*. В целом необходимо отметить традиционность многих смыслов, закрепленных за цветовыми адъективами, а также актуализацию желтого и красного (ржавого и рдяного) цветов.

4. Параметрические эпитеты (356 единиц). К данной группе относятся прилагательные, характеризующие объекты с позиций их размерности. Также, не будучи изначальными образными, они получают оценочность в контексте авторского словоупотребления. Лидерами среди «размерных» и параметрических слов являются такие, как *большой, легкий, маленький, огромный, тонкий, широкий*.

Подчеркнем яркую черту творческого почерка М. Цветаевой – расширение экспансии признака на смежные объекты концептополя «человек» в рамках различных концептуальных полей, порой достаточно далеких семантически, отчего возникает образный эффект. Так, выражения с эпитетами *рельсовый* или *дальнодорожный* становятся образными за счет необычной лексической сочетаемости и метонимического сдвига (ср. такие словоупотребления, как *рельсовая режущая синь* или *дальнодорожные брови*).

5. Темпоральные признаковые слова (234 единицы). Данная группа включает в себя лексемы, обозначающие временные промежутки разного типа: год, месяц, день, сезон, час, минута. Зачастую они оценочны и относятся к восприятию времени человеком, ассоциативны, их номинации навеяны воспоминаниями субъекта.

Используются как лексемы с общим значением: *долгий, срочный, вечный, медленный* и др., так и с конкретной семантикой: *августовский, полдневный, полуночный* и др. Самыми частотными оказались такие лексемы, как *вечный* (50), *ночной* (37), *вечерний* (32), *древний* (27), *долгий* (19).

Окказиональные словообразования чаще существуют на уровне смысла и контекста; если же говорить о ярких темпоральных окказионализмах, то можно назвать такие, как *досужий, передвосходный, первобылинный*. Уместнее, наверное, говорить не сколько об авторских словах, а о просторечно-бытовых формах данных слов.

Попутно отметим, что суффиксы *-к, -ск* присоединяются к различным словам непоследовательно, во многом провоцируя образование новых слов. Такие лексемы, как *нетаковский, московитский, гаммельнский* отсылают к разговорному слою лексики или к непродуктивным способам образования слов.

6. Притяжательные (посессивные) признаковые слова (185 единиц). Наиболее интересная с точки зрения словотворчества группа лексем, поскольку именно в ее составе находим большое число окказиональных образований, чаще имеющих разговорно-просторечную, фольклорную окраску.

Чаще всего для образования таких эпитетов используется суффикс *-ов-/ -ев-* или *-ин-*. Поскольку сами имена, от которых образуются адъективы, достаточно редкие, возникают окказиональные эпитеты. С одной стороны, продуктивны адъективы книжного типа, во многом связанные с мифологией: *Аресов, Ариостов, Артемидин, Афродитин, Вакхов, Венерин, Гуттенбергов, Давидов, Иисусов, Ипполитов, Миносов, Орфеев, Саванаролов, Саулов, Соломонов, Тезеев, Федрин, Эвридикин* и т.д. Другую группу составляют

просторечные словоформы, используемые с целью стилизации фольклорной тональности текста: *вдовичий, ланичий, орлицын, орлий, царевичев* и другие.

С помощью форманта *-ск-* автор образует относительно-притяжательные прилагательные, обозначающие как принадлежность, так и свойство кого/чего-либо (*аполлонический, ангельский, паганиниевский, рильковский, чешский, царский*).

7. Динамические признаковые слова (98 единиц). Условное название динамических они получили за счет того, что обозначают действие на основе признака, поэтому выражены чаще всего причастными или деепричастными формами глагола, отглагольными прилагательными.

Несмотря на очевидную безобразность и специализацию динамических признаков слов на выражении действия в его различных аспектах, стоит подчеркнуть присутствие в их семантике оценочного компонента. Большой массив эпитетов имеет приставку *не-* как выразитель отрицания происходящего действия или невозможности совершить что-либо (*незабвенный, неутешный, неслыханный, ненаписанный, нечитанный, нечислящийся, несодяянный, неопаленный*). Оказионален эпитет *провалённый*:

До тьмы провалённой. // Последнею схваткою чрева – жаленный. // И нет такой ямы, и нет такой бездны – // Любимый! желанный! жаленный! болезный! [Цветева 1994: 1: 205].

Отметим в приведенном выше отрывке актуализацию лексемы *жаленный*, также явно оказиональной и сближаемой по созвучию со словом *желанный*. Признаковые слова неизменно стоят в сильных позициях, о чем сигнализирует восклицательный знак внутри предложения.

Особо следует выделить группу сложных и составных признаков слов, которые не вошли в семантическую классификацию, поскольку выделяются на основе формального критерия. М. Цветева активно работает со сложными словами, конструируя их на основе сочетаний различных корней и частей слов (*ворко-клекочущий, водокрутный, гибелострастный, дальнедорожный, оленьеокий, равномоцный, светорожденный солонководный*).

Подводя итоги общему обзору семантического состава признаковой лексики в текстах Марины Цветаевой, можно сказать о нескольких важных чертах ее идиостиля. Во-первых, пристальное внимание автор уделяет психологической характеристике, отчего активно используется лексика эмоционально-психологической природы, причем конструируется она по метонимической логике (локус выражения чувства и впечатление от него). Во-вторых, практически в каждом типе признаковой лексики имеет место

оказиональное словотворчество, обращение к разговорно-просторечным, фольклорным элементам. Все вышесказанное свидетельствует о неординарности идиостиля поэта, о повышенном внимании к изображению субъективного мира концепта «внутренний человек».

Использование неординарных просторечных или наоборот возвышенно-поэтических эпитетов говорит о неистощимой потребности М. Цветаевой в языковом экспериментаторстве, заинтересованности в познании всех возможностей языка.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2 (9). С. 122–143.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯКС; Языки славянской культуры, 2017. 480 с.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. I–IV.

Хазазеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 320 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.